

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКОЕ СООБЩЕСТВО

И. Б. Бритвина^а, П. А. Шумилова^а

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. Проблемы сокращения и старения населения России, развивающийся дефицит на рынке труда обуславливают острую необходимость в миграционном притоке в страну трудоспособных людей. Ввиду того, что большая часть трудовых мигрантов — это инокультурные приезжие из стран Центральной Азии, острота проблемы культурной интеграции требует решений, связанных с управлением социальными процессами.

Материалы и методы. Были проведены опросы в г. Екатеринбурге среди горожан в 2016 г. (N = 485), в 2019 г. (N = 222) и в 2024 г. (N = 1400) методом анкетирования. В 2018 г. мнение горожан было изучено методом глубинного интервью (N = 33). Среди иноэтничных мигрантов проводилось анкетирование в 2017 г. (N = 231) и в 2019 г. (N = 222), а также в 2017 г. были проанализированы тексты интервью (N = 16).

В качестве методологической базы выбрана теория конфликта, обозначающая в исследовании рост или снижение конфликтного потенциала между принимающим сообществом и мигрантами из стран Центральной Азии. Для исследования культурной идентичности принято положение о том, что она является частью социальной идентичности, имеющей конструктивистскую природу, а также применены концепции множественности, многокомпонентности и многоуровневости социокультурной идентичности.

Результаты. Исследования показали наличие установок на взаимную интеграцию принимающего сообщества с приезжими из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, которые на сегодняшний момент имеют наиболее подходящие условия для своей реализации, что необходимо использовать с точки зрения социального управления.

Обсуждение. Исследование потенциала принимающего сообщества в содействии интеграции иноэтничных мигрантов в российское общество сегодня является крайне важным. Анализ специфики установок на принятие иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии россиянами, а также установки приезжих на формирование новой непротиворечивой мигрантской идентичности позволил получить обоснованное представление о влиянии отношения принимающего сообщества на качественное включение в общество приема. Кроме того, была выявлена динамика в развитии положительного отношения к иноэтничным мигрантам, что дает основания полагать: сегодня наиболее благоприятное время для развития культурных компетенций у принимающего сообщества, способствующих культурной интеграции приезжих и повышению миграционной привлекательности России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мигранты, Центральная Азия, культурная интеграция, социальное управление, опрос, Екатеринбург

© И. Б. Бритвина, П. А. Шумилова, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Социальное управление в сфере культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское сообщество // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С 88-101. EDN: TLDRGK. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-88-101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бритвина Ирина Борисовна — доктор социологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19) — профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга; irina.britvina@urfu.ru. SPIN-код: 8650-6509, ORCID: 0000-0003-2862-4408, Scopus: 56766050400, Researcher ID: N-9616-2013

Шумилова Полина Андреевна — ассистент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19) — ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга; polina.shumilova@urfu.ru. SPIN-код: 3318-1661, ORCID: 0000-0001-8899-8546, Scopus: 57199864077, Researcher: Q-1831-2016

Статья поступила 11.03.2024; рецензия получена 23.04.2024; принята к публикации 15.07.2024.

SOCIAL MANAGEMENT OF CULTURAL INTEGRATION OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES INTO THE RUSSIAN COMMUNITY

I. B. Britvina^a, P. A. Shumilova^a

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The problems of the reduction and aging of the Russian population, the developing shortage in the labor market cause an urgent need for a migration influx of able-bodied people into the country. Due to the fact that most of the labor migrants are foreign cultural visitors from Central Asian countries, the severity of the problem of cultural integration requires solutions related to the management of social processes.

Materials and methods. Surveys were conducted in Yekaterinburg among citizens in 2016 (N = 485), in 2019 (N = 222) and in 2024 (N = 1400) using the questionnaire method. In 2018, the opinion of the townspeople was studied by in-depth interview (N = 33). Surveys were conducted among non-ethnic migrants in 2017 (N = 231) and in 2019 (N = 222), and data on their interviewing in 2017 (N = 16) were collected. Conflict theory was chosen as a methodological basis, highlighting the growth or decrease of conflict potential between the host community and migrants from Central Asian countries in the study. For the study of cultural identity, the position was approved that it is part of a social identity having a constructivist nature, as well as the concepts of multiplicity, multi - part and multilevel socio-cultural identity were applied.

Results. Studies have shown the presence of attitudes towards mutual integration of the host community to visitors from Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, who currently have the most suitable conditions for their implementation, which must be used from the point of view of social management.

Discussion. The study of the potential of the host community in facilitating the integration migrants with different ethnicity into the Russian community is extremely important today. Consideration of the specifics of attitudes towards the acceptance of non-ethnic migrants from Central Asian countries by Russians, as well as the attitudes of newcomers towards the formation of a new consistent migrant identity, allowed us to obtain a reasonable idea of the impact of the attitude of the host community on qualitative inclusion in the reception society. In addition, the dynamics in the development of a positive attitude towards non-resident migrants was revealed, which gives reason to believe that today is the most favorable time for the development of cultural competencies in the host community, contributing to the cultural integration of newcomers and increasing the migration attractiveness of Russia.

KEYWORDS: migrants, Central Asia, cultural integration, social management, survey, Ekaterinburg

FOR CITATION: Britvina, I. B., Shumilova, P. A. (2024). Social management of cultural integration of migrants from Central Asian countries into the Russian community. *Management Issues*, 18(5), 81–101. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-88-101>.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina B. Britvina — Doctor of Sociology, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia) — *professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding*; irina.britvina@urfu.ru. SPIN: 8650-6509, ORCID: 0000-0003-2862-4408, Scopus: 56766050400, Researcher: N-9616-2013.

Polina A. Shumilova — Assistant; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia) — *assistant of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding*; polina.shumilova@urfu.ru. SPIN: 3318-1661, ORCID: 0000-0001-8899-8546, Scopus: 57199864077, Researcher: Q-1831-2016.

The article was submitted 11/03/2024; reviewed 23/04/2024; accepted for publication 15/07/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

Демографическая ситуация в России привлекает внимание исследователей и специалистов вызовами, с которыми необходимо справиться совместными усилиями. Прогноз Росстата сообщает о снижении общего количества населения страны к 2046 г. с 146,45 млн человек (на 1.01.2023) до 138,77 млн человек. При этом процент пожилого населения вырастет с 23,6 % в 2024 г. до 26,9 % в 2046 г. (по среднему прогнозу от общего количества населения), в то время как процент молодого населения сократится с 18,4 % до 15,6 %. Коэффициент рождаемости к 2046 г. поднимется до 1,663 (с 1,4 в 2023 г.), однако не достигнет необходимых значений в 2,1 для воспроизводства населения.

Общая картина показывает ситуацию демографического кризиса, который требует серьезных мер для его преодоления. Опираясь на внешнюю миграцию как на инструмент возмещения снижения трудоспособного населения, можно сказать, что это жизненно необходимый компонент для нашего общества, показавший по данным Росстата в 2023 г. долю компенсации

естественной убыли населения в 46,2 %. Это достаточно высокий показатель с точки зрения количества приезжих, пытающихся встроиться в структуру российского социума, поскольку практически весь объем составляют иноэтничные мигранты, характеризующиеся высокой культурной разницей с принимающим сообществом. Кроме того, на рынке труда растут показатели нехватки рабочей силы во многих отраслях производства. В топе «кадрового голода» такие направления, как сервис, производство и продажи, рабочий и обслуживающий персонал, строительство и транспорт¹. Это те сферы, где много лет подряд трудовую нишу занимают приезжие из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. При этом важно учитывать, что миграционный поток гастарбайтеров из стран Центральной Азии динамично меняется, откликаясь на такие факторы, как укрепление или ослабление рубля; правовые изменения и акции, ужесточающие миграцию; массовые депортации; экономический спад. Сравнивая данные за последние годы, можно увидеть, как миграционный прирост менялся с отрицательной величины до положительной.

Таблица 1 – Показатели международной миграции (чел.)
Table 1 – Indicators of international migration (people)

Страна	Первое полугодие 2023 года			Первое полугодие 2022 года		
	приехало	уехало	миграц. прирост	приехало	уехало	миграц. прирост
Киргизия	28690	20473	+8217	28424	43626	-15202

¹ Сервис открытой аналитики рынка труда Head Hunter. URL: <https://stats.hh.ru/?ysclid=lt4p4ciq4v677294592>.

Продолжение Таблицы 1

Таджикистан	88089	40303	+47786	84107	58425	+25682
Узбекистан	20961	18806	+2155	25598	38619	-13021

В связи со спецификой миграционных отношений с перечисленными странами, определяемой близостью территорий, открытостью границ, лояльным правовым законодательством и международными финансовыми инструментами, миграционный приток может превращаться в отток.

Кроме того, миграционный состав также подвержен изменениям, влияющим на социальные процессы взаимодействия принимающей российской стороны и приезжих. Так, на сегодняшний день доля таджиков составляет самую большую часть, превосходя киргизов более чем в 6 раз, а узбеков в 24 раза среди приезжих из стран Центральной Азии. Это создает дополнительную нагрузку на процессы социокультурного взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, поскольку таджики наиболее культурно далеки от россиян [1]. С другой стороны, нужно учитывать, что за трудовых мигрантов из Центральной Азии среди российских работодателей развивается острая конкуренция, поскольку снижение рождаемости – это реальность большинства стран мира (кроме Индии и стран Африки)². В поисках заработка граждане трудоспособного населения стран Центральной Азии могут менять миграционную стратегию, направляясь в такие страны, как Казахстан или Южная Корея, что, например, массово делали выходцы из Узбекистана в проблемный 2021 г.³

Изменения в структуре миграционного потока из стран Центральной Азии в Россию стали наблюдаться с 2015 г., когда в силу вступили новая система миграционного учета и нормы ответственности за нарушение миграционного законодательства, а также изменилась экономическая ситуация. До 2013 г. основную массу миграционного прироста составляли выходцы из Узбекистана, превышая по численности количество приезжих из

Таджикистана и Киргизии в 3 раза. Однако уже в 2015 г. миграционный прирост из Узбекистана показал отрицательные величины (-20 тыс. чел.). С тех пор объем мигрантов из этой страны не вернулся на предыдущие показатели, хотя постковидный 2021 г. показал внушительное увеличение их прироста наравне с кыргызами (40 тыс. чел.). При этом объем мигрантов из Таджикистана постоянно увеличивался и достиг пика к 2021 г. (цифры прироста продемонстрировали беспрецедентный показатель 100 тыс. чел.)⁴.

Данный тренд в структуре миграционного потока (существенное доминирование количества этнических таджиков) сохраняется и сегодня с тенденцией к его общему снижению, что объясняется экономическими и социальными трансформациями. К 2024 г. в Узбекистане уровень безработицы снизился до 8,1 % (9,6 % в 2021 г.) за счет увеличения финансовых потоков из России, а также на основе формирования системы параллельного импорта и роста сферы услуг. Эти факторы отсутствуют в Таджикистане, который является наименее благополучной из всех стран Центральной Азии. Существенную долю бюджета страны (до 40 %) по-прежнему составляют переводы трудовых мигрантов из России, при том что уровень безработицы в Таджикистане меньше, чем в Узбекистане, и составляет 7,8 %. Сравнивая по количеству население Таджикистана (10 380 000 чел.) и Узбекистана (36 599 800 чел.), а также по возрастному составу (почти 70 % молодежи в обеих странах), можно было бы предположить, что Узбекистан готов к большей миграционной отдаче. Однако показатели постковидного года и современной ситуации позволяют сделать вывод о том, что общая экономическая и социальная активность оказывают значительное влияние на миграционное поведение жителей стран Центральной Азии.

² World Population Prospects 2022: Summary of Results. Publisher: United Nations, July 2022. ISBN: 978-92-1-148373-4. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf.

³ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан: Демографическая ситуация в Республике Узбекистан. URL: https://stat.uz/images/uploads/demografiya-rus08_02_2023.pdf.

⁴ Щербакова Е. М. Миграция в России по итогам первого полугодия 2023 года // Демоскоп Weekly. № 1003–1004 (17–30 окт. 2023 г.). ISSN 1726-2891. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01003/barom02.php>.

Очевидно, что на данном этапе развития нашего общества поддержание миграционного прироста на уровне высоких положительных значений – это необходимая комплексная задача, решаемая не только в правовом и экономическом поле, но и в социальном. Серьезным фактором миграционной привлекательности территорий является доступная социальная и культурная адаптация, комфортное взаимодействие с местными жителями, обеспечивающие не только решение задач, с которыми мигрант приехал в страну, но и физическую, социальную, правовую и психологическую безопасность обеих сторон.

Культурная идентичность является ключевым понятием при изучении процесса культурной адаптации и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в России. Она отражает уникальные культурные особенности, ценности, традиции и обычаи, которые определяют личность и принадлежность к определенной группе.

Для приезжих из стран Центральной Азии культурная идентичность может быть связана с их национальной принадлежностью, языком, религией, традициями питания, ритуалами и другими аспектами культуры. Культурная идентичность является важным элементом самосознания и самоопределения мигрантов, а также формирует основу для сохранения и передачи своей культуры следующим поколениям. Однако процесс культурной интеграции предполагает взаимодействие и включение мигрантов в новую культурную среду. Интеграция подразумевает не только освоение языка и адаптацию к новым условиям жизни, но и взаимодействие с местным населением, участие в общественной жизни и принятие элементов российской культуры. В процессе интеграции мигранты могут изменять свою культурную идентичность, одновременно включая в нее элементы новой культуры и сохраняя свои национальные особенности.

Культурная интеграция мигрантов из стран Центральной Азии в России может происходить по разным направлениям. С одной

стороны, мигранты могут оставлять свою культурную идентичность без изменений и формировать сообщества (анклавы), где сохраняются традиции и ценности их родной страны. С другой стороны, они могут принимать компоненты российской культуры, включая язык, обычаи и традиции, что способствует их успешной социальной интеграции.

Выявление детерминант, определяющих эти процессы, важно для понимания условий культурной интеграции и формирования условий для гармоничного сосуществования различных культурных групп в российском обществе.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В русле заданного Г. Зиммелем понимания конфликта как формы социализации (в частности, культурного взаимодействия и интеграции), социальная идентичность стала одним из важнейших оснований для понимания ее функционирования, которое работает как установление и сохранение границ общностей. Теория социального конфликта как необходимое методологическое основание управления социальными процессами^{5, 6, 7, 8} раскрывается в современных теоретических подходах и практических исследованиях как базовое столкновение групповых идентичностей [2, 3, 4]. Для того, чтобы осознавать свою принадлежность к той или иной общности, индивиды стремятся достичь такого состояния, которое соответствует их так называемой позитивной идентичности через положительные оценки других членов общества. Если человек не достигает позитивной социальной идентичности, у него формируется отрицательная социальная идентичность, то есть несоответствие коллективным ценностям, что со временем маргинализирует его.

Именно потому социальное управление сегодня – это минимизирующее конфликтный потенциал управление социальной идентичностью [5], выражающееся, например, в идее изменения социальной структуры через изменение социальной идентичности [6]. Со-

⁵ Weber M. (2013). *Economy and society*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California. ISBN: 9780520280021. URL: <https://archive.org/details/MaxWeberEconomyAndSociety>.

⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с. ISBN 5-88373-036-1.

⁷ Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с. ISBN 5-7333-0019-1.

⁸ Tajfel H. & Turner J. C. (1979). An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In W.G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The Social Psychology of Intergroup Relations* (pp. 33–47). URL: https://vk.com/doc59348746_635691245?hash=7jcZyoqyJSp2RQvtDhHpi z104yzO3JkDsANiZ7xAR00.

циальная идентичность рассматривается как комплекс элементов солидаризации, которые являются производными от вовлеченности индивида в социальные группы, основанные на социальных связях, действиях и коллективных представлениях [7], а также как многокомпонентная конструкция [8, 9, 10, 11], состоящая из идентичностей с группами разной степени актуализации. В этой логике необходимо выделить культурную идентичность как отдельную категорию изучения для реализации успешного управления социальными процессами, понимаемую как усвоенный образ жизни, выраженный в повседневных практиках и ожиданиях в отношении социального поведения или способов действия [8].

Конструктивистский подход к явлению культурной идентичности раскрывает ее трансформацию в миграционных процессах через гибридизацию, превращение в совокупность культурных элементов двух (и более) культур [12]. Исследования в этой области показывают положительные эффекты формирования комплексных социальных, в том числе и культурных идентичностей [13, 14, 15, 16].

Культурная идентичность в данном исследовании определяется как один из видов социальной идентичности, а также как структурная составляющая в ее комплексе, занимающая иерархически высокое положение по степени своей значимости. Она определяет принадлежность к культуре как системе организации совместной жизнедеятельности людей в обществе, положение человека в этой структуре, а также характер и конфигурацию социальных связей, коллективные представления и взаимосвязь с социальными институтами, общественными объединениями и в целом с социальной действительностью. От других видов идентичностей культурная идентичность отличается ее глубинностью на уровне каждой личности, специфическим и вариативным способом формирования, способом демонстрации и понимания, проявления на подсознательном и эмоциональном уровнях. Исследование международных миграций требует обязательного изучения культурных оснований в процессе интеграции и идентификации личности в отдельную самостоятельную категорию для анализа.

Разделяя понятия социальная и культурная идентичности, первую можно определить как соотношение личности с социальными объектами, а вторую – как усвоение особенностей

социальных связей и реализацию их через действие и регулярные, повседневные практики.

Формирование новой культурной идентичности в ситуации, когда сталкиваются представители разных культур и требуется наладить совместную жизнедеятельность, является по своей сути развитием гибридной культурной идентичности, к исследованию которой необходимо применять особый подход, отличающийся от исследования монокультурной идентичности.

Прежде всего необходимо понимать, что новая культурная идентичность иноэтничных мигрантов – это образование специфического набора усвоенных наиболее значимых норм и ценностей принимающего сообщества наряду с частичным сохранением норм и ценностей родной культуры. Поэтому одной из форм культурной интеграции является формирование новой культурной идентичности, которая становится непротиворечивым комплексным набором с точки зрения интериоризации воспринимаемых социокультурных элементов нового общества, накладывающихся на национальные особенности иноэтничных мигрантов.

Вторая особенность изучения новой культурной идентичности мигрантов связана с принятием в расчет того обстоятельства, что интеграция – это процесс с двунаправленным движением, участниками которого являются и приезжие, и принимающее сообщество, последнее из которых играет крайне значимую роль. Многие исследования показывают, что существует значительная положительная связь между инклюзивным и хорошим отношением к мигрантам и качеством их включения в принимающее сообщество [17, 18, 19, 20], а дискриминация, основанная на культурных различиях, признается самым важным барьером для интеграции приезжих из других стран [21]. При этом не всякое взаимодействие способствует принятию новой культурной идентичности у мигрантов. Так, например, контакты по трудовой деятельности никак не помогают в этом процессе, если в целом отношение у принимающей стороны негативное (пренебрежение, боязнь, уничижение и т. д.). Доброжелательное отношение к мигрантам в этом случае будет способствовать принятию культурной идентичности страны приема, расширяя круг контактов, меняя качество социальных связей, усиливая их.

Наличие установок к определенному отношению у представителей стороны-акцептора, способствующих формированию у мигран-

тов новой культурной идентичности, в наших исследованиях рассматривается, опираясь на положение о существенном влиянии принимающего сообщества и о доминирующем воздействии окружающей социальной среды на систему детерминации человеческой деятельности [22, с. 149]. Принятие новой культурной идентичности у мигрантов определяется условиями, которые существуют в принимающем сообществе для инкорпорации приезжих: помимо социальных институтов, комплиментарного (или, наоборот, дискриминационного) миграционного права, существенную роль играет положительное оценочное отношение местных. Поэтому, рассматривая его с точки зрения потенциала к социальному управлению, необходимо понимать, что изучению подлежат установки к адаптивному взаимодействию, присущие обеим сторонам.

Мы исследовали отношения между представителями указанных выше сообществ через неочевидные, но значимые по своему воздействию на процессы взаимной интеграции категории: способы реализации дружеских связей или интенсивность дружеских взаимоотношений, оцениваемых через проведенное вместе время, и самораскрытие участников коммуникации. Кроме того, анализ взаимодействия общностей с использованием перечисленных элементов взаимной коммуникации показал эффективность применения не лонгитюдных исследований внутри одной общности, а перекрестных способов изучения внешних по отношению друг к другу групп, поскольку исследование подразумевает изучение взаимодействия инокультурных, отличающихся по уровню развития разнородных общностей.

Исходя из этого, авторы статьи с целью изучения проблем взаимной адаптации и интеграции принимающего сообщества и мигрантов из стран Центральной Азии проводили опросы как среди мигрантов из стран Центральной Азии, так и жителей г. Екатеринбурга.

1. Опрос методом стандартизированного интервью мигрантов из стран Центральной Азии (N = 231, 2017 г.). Тип выборочной процедуры: квотная выборка; квотный признак в процессе отбора: пол, возраст, страна выезда, образование (в соответствии с данными миграционного прироста 2017 г. и долей признака в генеральной совокупности 19 %).

2. Опрос методом глубинного интервью трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (N = 16, 2017 г.).

3. Опрос методом глубинного интервью жителей Екатеринбурга (N = 33, 2018 г.). Отбор информантов для интервью был основан на применении матрицы, которая включала два критерия: пол и возраст респондентов; отбирались респонденты, которые не избегали прямых вопросов о проблемах взаимодействия с иноэтничными мигрантами из стран Центральной Азии.

4. Анкетный опрос жителей Екатеринбурга (N = 876, 2019 г.). Тип выборочной процедуры: квотная выборка; квотный признак в процессе отбора: половозрастная принадлежность.

5. Онлайн-опрос жителей Екатеринбурга (N = 1400, 2024 г.). Тип выборочной процедуры – квотная выборка, квотный признак в процессе отбора – половозрастная принадлежность и образовательные характеристики респондентов.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты полученных данных позволили выявить два трека в отношении российского принимающего сообщества к мигрантам. Первый – это наличие латентной конфликтности со стороны россиян к приезжим из стран Центральной Азии, имеющей тенденцию к развитию и переходящей к точечным массовым всплескам агрессии [23]. Конфликтный вектор по отношению к мигрантам со стороны россиян оказался претензией не к этническому происхождению мигрантов (и не только к незнанию русского языка), а запросом к приемлемому уровню культурной интеграции с их стороны.

Полученные нами в 2019 г. результаты показали, что самое распространенное требование екатеринбуржцев к мигрантам из стран Центральной Азии – придерживаться устоявшихся в российском обществе правил поведения, зафиксированных на законодательном уровне (67,7 %), что связано с представлениями о криминализированности мигрантов и развитием страха перед ними, то есть является показателем выраженной в некоторой степени ксенофобии по отношению к приезжим. Однако важно уточнить, что понимание криминогенности мигрантов основывается на убеждении, которое часто подтверждается публичной риторикой и состоит в том, что «хорошие» и «плохие» мигранты делятся по основанию легальности и нелегальности своего пребывания в России.

Исключая формальную сторону этого статуса, необходимо отметить, что он имеет

сильную смысловую нагрузку в сознании принимающего сообщества. Статус легального мигранта содержит в себе представление о нем как о честном работнике, туристе, жителе, находящемся и действующем в правовом поле.

Соответственно зеркально отражается в представлении принимающего сообщества и статус нелегального мигранта как максимально склонного к нарушению правовых норм и асоциальному поведению. В действительности же закономерность, связывающая статус легальности и социальное поведение мигранта, отсутствует, что связано с введением патентной системы, из-за которой переход из одного статуса в другой происходит довольно быстро, когда, например, приезжий не успел оформить/продлить разрешающие документы или у него не оказалось денег на это. Но так или иначе в представлении принимающего сообщества метка «нелегальность» оказывает значительное влияние на восприятие и отношение к мигрантам.

Претензия к владению русским языком стоит на втором месте после знания российских законов (63,6 %). Большая часть респондентов недовольна сложностью в общении с мигрантами из стран Центральной Азии, невозможностью полного понимания друг друга и вменяет в обязанность приезжим овладение русским языком на хорошем разговорном уровне. Это очень серьезный фактор, влияющий на длину социальной дистанции. Так, казахи и киргизы в своих странах, изучающие русский как второй язык, отмечаются как самые близкие из народов стран Центральной Азии.

Такое же количество (63,6 %) респондентов отметили третье по популярности требование к мигрантам – это соблюдение российских культурных норм. Основные претензии находились в поле правил публичного поведения: необходимость использования русского языка в общественных местах (29,4 %), «вызывающее» поведение (27,3 %), невозможность организации особых условий для религиозных обрядов (17,3 %).

Опрос 2024 г. показывает изменение соотношения требований принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам. На первое место вышел запрос на соблюдение российских культурных норм (93,9 %), обогнав «следование государственным законам» (88,6 %) и знание русского языка (75,6 %). Примечательно, что такая картина складывается на фоне увеличения процента «знакомства» с ми-

грантами. Так, в 2019 г. регулярные контакты с приезжими из стран Центральной Азии отмечали около трети респондентов (30,9 %), а в 2024 г. – 58 %. Это говорит о том, что настроения страха и опасности, основанные на чувстве, источником которого является элемент ксенофобии, сменяются осознанием реальной культурной разницы.

Среди опрошенных в 2024 г. у достаточно большого количества (46,2 %) можно зафиксировать понимание того, что если мигрант долго проживает в стране приема, соблюдает вышеперечисленные требования, то его восприятие меняется на более комплиментарное, как человека, «социально близкого». Однако растет доля тех, кто признается, что при любых условиях будет воспринимать мигрантов как «чужих» (с 30,5 % в 2019 г. до 38,5 % в 2024 г.).

Примечательным является то, что россияне достаточно мягко относятся к вероисповеданию мигрантов, несмотря на то, что те практически все исповедуют ислам и регулярно осуществляют нетипичные для российского большинства религиозные практики. При этом активно проявлено требование соблюдения норм и правил секулярного общества. Это противоречие было раскрыто в анализе текстов глубинного интервью, проведенного нами среди жителей Екатеринбурга, который дал возможность уточнить сущность требований принимающего сообщества. Было выявлено, что суть требований к поведению мигрантов – это следовать модели сосуществования в полинациональном российском сообществе. То есть жители Екатеринбурга спокойно относятся к сохранению мигрантами своих культурных особенностей, но в такой форме, чтобы она не доминировала над российской культурой.

Что касается приезжих из стран Центральной Азии, то наше исследование продемонстрировало, что они в целом осознают, что соблюдение культурных норм общества приема необходимо (89,2 %). Однако понимание культурных норм у респондентов разнится. Так, например, ношение национальной одежды остается важным более чем для трети приезжих из стран Центральной Азии, а вот для российских респондентов важным является не национальный характер одежды, а то, насколько она непривычно вызывающе смотрится в общественном пространстве. В результате интервьюирования жителей Екатеринбурга показало, что представители принимающей

стороны на самом деле не проявляют запрос на интеграцию мигрантов по схеме «плавильного котла» с отказом приезжим в сохранении своей культуры. Но и стратегия «мультикультурализма» с сохранением национальных анклавов, состоящих из мигрантов, их семей и наследников, с консервацией привезенной ими культуры совершенно не принимается россиянами.

Интерполяция между этими двумя стратегиями взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества выразилась во втором треке отношения россиян к приезжим, слабо проявленном на момент исследований, который, однако, на сегодняшний день стал более выразительным и способен определить вектор интеграционных процессов. Наши опросы екатеринбуржцев показали потребность не в отсутствии иноэтнических мигрантов, а в стабилизации комфортного взаимодействия с ними, основанного на адаптации проявления их культурных особенностей к российскому восприятию. В частности, это не только умеренность в «яркости одежды», но и выразительность поведения (громкость разговоров, демонстративность в осуществлении повседневных и религиозных практик), и особенно – требование к взаимному уважению в общении. Важным фактором, определяющим развитие конфликтности отношения принимающего сообщества к мигрантам, было чувство их массовости (для 56 % опрошенных екатеринбуржцев), что становилось препятствием для открытости к взаимной интеграции с мигрантами при одновременном наличии таких установок у принимающего сообщества.

Что касается инструментария, который необходимо использовать в процессе социального управления для организации взаимной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии и принимающего российского сообщества, то он должен строиться на системе налаживания неформальных достаточно плотных социальных связей между представителями сторон. Результаты наших исследований показали, что и так небольшая доля екатеринбуржцев, положительно относящихся к мигрантам из стран Центральной Азии (15,5 % в 2019 г.), уменьшилась до 6,2 % в 2024 г. Однако значительно выросла доля тех, кто не только обладает опытом общения с мигрантами в профессиональной сфере, в дружеских и родственных отношениях (с 10 % в 2019 г. до 47,1 % в 2024 г.), но и высказывает готов-

ность оказать помощь приезжим по некоторым вопросам. Эти респонденты отличаются положительным отношением к пребыванию мигрантов в Екатеринбурге в целом, наряду с готовностью воспринять представителей Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии в качестве брачных партнеров или друзей. В этой группе респондентов 61,3 % (отметим, что в 2019 г. их было 82 %) считают допустимой близкую дружбу с людьми хотя бы одной национальной группы мигрантов, а также они в большинстве своем готовы взаимодействовать с приезжими как с деловыми партнерами. При этом, несмотря на то, что в этой группе гораздо больший процент согласия с утверждением о безусловном предоставлении российского гражданства (20,7 %) по сравнению с теми, кто относится отрицательно к росту количества мигрантов в городе, большинство из них также считают, что это возможно только при условии соблюдения мигрантами российских культурных норм (74 % в 2024 г.).

Среди представителей этой группы опрошенных отмечается наибольшее число оснований, которые могут сближать местных российских жителей и приезжих из стран Центральной Азии. В качестве наиболее часто отмечаемых факторов усиления подобия друг другу были названы сотрудничество, то есть совместная деятельность, и специфика занятий. 79 % из положительно относящихся к мигрантам респондентов имели опыт оказания помощи приезжим и выражают готовность оказать им содействие в различных формах (например, помощь в поиске жилья и работы, передаче одежды, хозяйственных вещей, нужной информации для жизни в нашей стране). Эти же респонденты обнаруживают компетентность в сфере культуры стран, из которых приехали мигранты, и чаще допускают ее сохранение, а не растворение в русской культуре, они готовы и сами меняться под влиянием новых культурных ценностей, норм и правил, которые привносят мигранты.

Понимание и готовность к взаимной интеграции с культурой мигрантов связаны не только с силой и плотностью социальных связей между принимающим сообществом и приезжими из стран Центральной Азии, но и с высоким разнообразием контактов с мигрантами: в круг общения входят коллеги по работе, друзья, соседи по дому, по двору. Причем соседи входят в круг общения минимум в 1,5 раза чаще, а друзья – минимум в 2,2 раза чаще

по сравнению с респондентами, имеющими негативное отношение к мигрантам.

Все эти данные показывают, что способствование интеграции и культурному обмену со стороны принимающего сообщества может осуществляться в сфере расселения мигрантов, включения их в систему социальных институтов нашей страны (досуг, волонтерство и социальная помощь).

Ощутимое снижение миграционного притока с 2021 г. ослабило напряженность, связанную с ощущением слишком большого количества мигрантов (по данным Росстата и Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара⁹), хотя по результатам нашего исследования в 2019 г. только 29,4 % привыкло к большому количеству приезжих из стран Центральной Азии. Это дало возможность проявиться установкам принимающего сообщества на конформную интеграцию мигрантов из стран Центральной Азии. Опрос россиян 2023 г., проведенный ВЦИОМ, показал, что 47 % опрошенных считают положительным, что люди из других стран приезжают работать в Россию. Этот показатель более чем в три раза превышает данные центра 10–15-летней давности при ответе на тот же вопрос (2008 и 2013 гг. – 14 %)¹⁰. Однако трагические события 2024 г. (теракт в «Крокус Сити Холл») не могли не оказать влияния на отношение к мигрантам из стран Центральной Азии, что значительно актуализировало проблему социального управления в сфере культурной интеграции.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Отношение принимающего сообщества к мигрантам оказывает значительное влияние на развитие новой культурной идентичности, становится показателем качества этого процесса. Усиление активного взаимодействия между приезжими и принимающим обществом не только в сфере наемного труда, но и в других неформальных областях общения поможет, благодаря повышению качества взаимопонимания, снизить уровень ксенофобии. При этом показатель «отношение», с одной стороны, демонстрирует, нарушено или налажено взаимодействие с мигрантами, а с другой

стороны, само по себе влияет на это взаимодействие, ограничивая или содействуя.

Изучение культурной идентичности и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в России дает возможность более глубоко понять процессы культурной адаптации и взаимодействия различных культурных групп, что позволит разработать эффективные стратегии социального управления процессом интеграции, способствующие укреплению социальной стабильности, снижению напряженности в обществе и созданию условий для гармоничного сосуществования различных культурных сообществ. Поиски путей, обеспечивающие положительное включение инокультурных приезжих в российское сообщество, становятся важным аспектом предупреждения конфликтов и развития социально неодобряемых форм поведения мигрантов, предотвращения негативных социальных явлений, связанных с миграцией, и повышения качества человеческого капитала нашей страны. Выявление факторов, влияющих на формирование установки к принятию российской культурной идентичности, является основанием для создания эффективных стратегий работы с мигрантами по положительной инкорпорации в принимающее сообщество.

Исходя из результатов наших исследований, а также последних данных изучения общественного мнения россиян, можно утверждать, что социальное управление в области культурной интеграции иноэтнических мигрантов сегодня приобрело «окно возможностей», связанное со снижением барьеров, препятствующих проявлению установок на бесконфликтное взаимодействие с приезжими со стороны принимающего сообщества. Усилия, направленные на реализацию этих установок, могут стать наиболее продуктивными в данный период благодаря демографической и миграционной ситуации.

Основным инструментом включения мигрантов в российское принимающее сообщество в основном является реализация комплекса правовых норм, а поиск и наработка культурных компетенций возлагается на мигрантов в одностороннем ключе [24]. Слабо принимаемым россиянами, но необходимым

⁹ Ефремов И. А. Тенденции международной миграции населения в России за I–III кварталы 2023 года // Мониторинг экономической ситуации в России, 2023. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/tendentsii-mezhdunarodnoy-migratsii-naseleniya-v-rossii-za-i-iii-kvartaly-2023-goda.html>.

¹⁰ Опрос об отношении россиян к приезжим из других стран // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv>.

условием интеграции иноэтничных приезжих является встречное коммуникативное движение жителей территорий реципиентов, основанное на знании культуры приезжих [25, 26]. Так, например, важно учитывать высокую значимость культурных особенностей, в т. ч. специфику межгендерной и межстатусной коммуникации, религиозные детерминанты поведения во взаимодействии с приезжими из стран Центральной Азии [27, с. 212]. Плохое знание культурных характеристик приезжих формирует ситуацию сильного эмоционального, чаще всего негативного отношения у представителей принимающего сообщества (страх), что приводит также к искажению стратегии социального управления миграцией, негативного отношения органов власти и госучреждений (полиция, служба миграции, медицинские учреждения и пр.), представителей сервиса (магазины, общественный транспорт и т. д.). Все это создает обстоятельства социальной депривации мигрантов со стороны принимающего сообщества, заставляя приезжих выбирать негативную стратегию инкорпорации в социальную систему принимающей стороны, заключающуюся в работе мигрантских социальных сетей, закрытости, дистанцированности, что тормозит процесс интеграции и повышает общую социальную напряженность [28].

Образование барьеров между российским населением и приезжими из стран Центральной Азии возможно снижать с помощью контроля над расселением и учитывать, с одной стороны, психологическую границу в ощущении переизбытка иноэтничных мигрантов у принимающего сообщества, а с другой стороны, влияния жилого сообщества на интеграцию мигрантов [29]. Также инструментом интеграции мигрантов может стать их включение в социальные институты принимающего сообщества [30, 31] и наращивание положительного опыта неформаль-

ного взаимодействия с принимающим сообществом [32].

Выбирая из основных направлений социального управления (социально-экономическими системами, процессами в политической и духовной сферах), авторы статьи отмечают, что в первую очередь проблематика трансформации культурной идентичности мигрантов при переезде в Россию связана с социальным управлением в духовной сфере общества. Кроме отмеченных выше форм социального управления миграционными процессами (снижение уровня ксенофобии, поиск механизмов позитивного неформального общения принимающего сообщества с мигрантами, социальное регулирование расселения мигрантов для снижения страхов их «переизбытка»), возможно развитие и других активностей групп и сообществ, неформальных и формальных объединений в этом направлении. Позитивную роль в процессах интеграции приезжих может играть усиление деятельности этнокультурных сообществ и объединений (и в первую очередь русских), работа по искоренению стереотипов, негативно маркирующих мигрантов из стран Центральной Азии, трансформация деятельности СМИ по отражению прежде всего позитивного социального портрета мигранта, разъяснение на уровне регионов необоснованности страхов от присутствия мигрантов, позитивного эффекта их вклада не только в экономику, но и в культуру принимающей страны.

В сложившейся ситуации в России дальнейшие исследования по трансформации отношения и поведения принимающего сообщества к мигрантам из стран Центральной Азии помогут в поддержании процессов взаимной интеграции, что может стать фактором повышения миграционной привлекательности России при одновременном сдерживании нарастания социальной напряженности между иноэтничными приезжими и принимающим российским сообществом. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Культурная идентичность и проблемы адаптации иноэтничных мигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 3. С. 317–326. DOI: [10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326). EDN: RPSLXP.

2. Rothman, J., & Alberstein M. (2013). Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273330>.

3. Cheng, C.-Y., & Lee, F. (2009). Multiracial Identity Integration: Perceptions of Conflict and

Distance among Multiracial Individuals. *Social Issues*, 65(1), 51–68. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.01587.x>.

4. Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 4–21. DOI: [10.21638/spbu23.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101). EDN: **GSUIFY**.

5. Blake, A., & Mael, F. (1989). Social Identity Theory and the Organization. *Academy of Management Review*, (14), 20–39. <https://doi.org/10.2307/258189>.

6. Burke, P. J. (2004). Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address. *Social Psychology Quarterly*, 67, 5–15. <https://doi.org/10.1177/019027250406700103>.

7. *Communication in the Real World* (2016). University of Minnesota Libraries Publishing edition. <https://doi.org/10.24926/8668.0401>.

8. Gaither, S. E. (2017). The Multiplicity of Belonging: Pushing Identity Research Beyond Binary Thinking. *Self and Identity*, 17(4), 443–454. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1412343>.

9. Жаде З. А. Феномен многоуровневой идентичности: цивилизационная составляющая // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 5. С. 19–23. EDN: **KZWQBP**.

10. Lou, E., & Lalonde, R. N., & Wilson, C. (2011). Examining a multidimensional framework of racial identity across different biracial groups. *Asian American Journal of Psychology*, 2(2), 79–90. <https://doi.org/10.1037/a0023658>.

11. Ковалева А. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–100. DOI: [10.17805/zpu.2019.4.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7). EDN: **MLHZGS**.

12. Payne, W. (2020). *Human Behavior and the Social Environment II*. University of Arkansas. <https://doi.org/10.54119/XYNY2549>.

13. Campbell, A. (2000). Cultural Identity as a Social Construct. *Intercultural Education*, 11(1), 31–39. <https://doi.org/10.1080/14675980050005370>.

14. Gaither, S. E., & Samantha, P. F., & Kinzler K. D. (2020). Thinking about multiple identities boosts children's flexible thinking. *Developmental Science*, 23(1), e12871. <https://doi.org/10.1111/desc.12871>.

15. Ertanir, B., et al (2024). Cultural Stressors and Cultural Identity Styles Among Hispanic College Students. *The Counseling*

Psychologist, 52(3), 443–476. <https://doi.org/10.1177/00110000231225473>.

16. Allen, K.-A., Kern, M. L., Rozek, C. S., McInerney, D. M. & Slavich, G. M. (2021). Belonging: a review of conceptual issues, an integrative framework, and directions for future research. *Australian Journal of Psychology*, 73(1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/00049530.2021.1883409>.

17. Reinold, J., Hooijen, I., & Özer, M. (2024). “If you smile, they smile”: Explaining highly educated migrants' feelings of being welcome in the Euregio Meuse-Rhine. *Population Space and Place*, 30(5), e2759. <https://doi.org/10.1002/psp.2759>.

18. Marshall, T. C., & Lao, C. H. (2024). Attachment style and romantic involvement with host nationals influence migrants' acculturation and adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 99, 101950. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101950>.

19. Ryder, A. G., Alden, L. E., Paulhus, D. L., & Dere, J. (2013). Does acculturation predict interpersonal adjustment? It depends on who you talk to. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(4), 502–506. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.02.002>.

20. Sarli, A., & Phillimore, J. (2022). The intercultural competence of second-generation individuals: knowledge gaps and steps forward. *International Journal of Intercultural Relations*, 88, 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2022.03.004>.

21. Constant, A., Kahanec, M., & Zimmermann, K. (2008). Attitudes towards immigrants, other integration barriers, and their veracity. *International Journal of Manpower*, 30(May), 5–14. DOI: [10.1108/01437720910948357](https://doi.org/10.1108/01437720910948357).

22. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Монография: Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2007. 279 с. EDN: **RXJVTP**.

23. Бритвина И. Б., Савчук Г. А. Дифференцирующие элементы культуры как фактор латентной конфликтности мигрантов из стран Центральной Азии и россиян // Известия Урал. федерал. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 4. С. 175–184. EDN: **СНТВС**.

24. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144–155. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_2_144_155](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155). EDN: **TSSPGZ**.

25. Laurentsyeva, N. & Venturini, A. (2017). The Social Integration of Immigrants and the Role of Policy — A Literature Review. *Intereconomics*, 52, 285–292. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0691-6>.

26. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 1. С. 34–50. EDN: **NUEKPH**.

27. Рязанцев С. В. с соавт. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году. Монография. Москва: Издательство Проспект, 2023. 448 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). EDN: **GKFMMP**.

28. Васильева О. В. Принимающее сообщество: проблемы интеграции // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 7. С. 184–197. DOI: [10.12731/2218-7405-2016-7-184-197](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-7-184-197). EDN: **WVJLFL**.

29. Zhao, Q., Wu, G., Wang, H., & Aziz, N. (2024). How does choice of residential community

affect the social integration of rural migrants: insights from China. *BMC Psychology*, 12, 119 (2024). <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01617-9>.

30. Gabrielli, L., Gsir, S., & Zapata-Barrero, R. (2017). Political and Civic Participation of Immigrants in Host Countries. An Interpretative Framework from the Perspective of the Origin Countries and Societies. In *Migrant Integration Between Homeland and Host Society*. Vol. 1. Global Migration Issues, vol 7. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56176-9_5.

31. Bentz, A.-S. (2021). Political Activism in Canada: When Tibetans in Toronto Enter into Local Politics. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, 27. <https://doi.org/10.4000/samaj.7449>.

32. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110–117. EDN: **YQRHGT**.

REFERENCES

1. Britvina, I. B., & Shumilova, P. A. (2017). Cultural Identity and Adaptation of Ethnic Migrants in Russia. *RUDN Journal of Sociology*, 17(3), 317–326. DOI: [10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326). <https://elibrary.ru/RPSLXP>.

2. Rothman, J., & Alberstein M. (2013). Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273330>.

3. Cheng, C.-Y., & Lee, F. (2009). Multiracial Identity Integration: Perceptions of Conflict and Distance among Multiracial Individuals. *Social Issues*, 65(1), 51–68. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2008.01587.x>.

4. Avdeev, E., & Vorobev, S. (2023). Sociocultural Bases of the North Caucasus Student Youth Identity: Risks of Conflict in Inter-Ethnic Relations. *Political Expertise: POLITEX*, 19(1), 4–21. DOI: [10.21638/spbu23.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101). <https://elibrary.ru/GSUIFY>.

5. Blake, A., & Mael, F. (1989). Social Identity Theory and the Organization. *Academy of Management Review*, (14), 20–39. <https://doi.org/10.2307/258189>.

6. Burke, P. J. (2004). Identities and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address.

Social Psychology Quarterly, 67, 5–15. <https://doi.org/10.1177/019027250406700103>.

7. *Communication in the Real World* (2016). University of Minnesota Libraries Publishing edition. <https://doi.org/10.24926/8668.0401>.

8. Gaither, S. E. (2017). The Multiplicity of Belonging: Pushing Identity Research Beyond Binary Thinking. *Self and Identity*, 17(4), 443–454. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1412343>.

9. Zhade, Z. A. (2007). The Phenomenon of Multilevel Identity: The Civilizational Component. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskii Region. Social Science*, (5), 19–23. <https://elibrary.ru/KZWQBP>.

10. Lou, E., & Lalonde, R. N., & Wilson, C. (2011). Examining a multidimensional framework of racial identity across different biracial groups. *Asian American Journal of Psychology*, 2(2), 79–90. <https://doi.org/10.1037/a0023658>.

11. Kovaleva, A. (2019). Kinds of Social Identity: Approaches to Classification. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, (4), 89–100. DOI: [10.17805/zpu.2019.4.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7). <https://elibrary.ru/MLHZGS>.

12. Payne, W. (2020). *Human Behavior and the Social Environment II*. University of Arkansas. <https://doi.org/10.54119/XYHY2549>.

13. Campbell, A. (2000). Cultural identity as a social construct. *Intercultural Education*, 11 (1), 31–39. <https://doi.org/10.1080/14675980050005370>.
14. Gaither, S. E., & Samantha, P. F., & Kinzler K. D. (2020). Thinking about multiple identities boosts children's flexible thinking. *Developmental Science*, 23(1), e12871. <https://doi.org/10.1111/desc.12871>.
15. Ertanir, B., et al. (2024). Cultural Stressors and Cultural Identity Styles Among Hispanic College Students. *The Counseling Psychologist*, 52(3), 443–476. <https://doi.org/10.1177/00110000231225473>.
16. Allen, K.-A., Kern, M. L., Rozek, C. S., McInerney, D. M. & Slavich, G. M. (2021). Belonging: a review of conceptual issues, an integrative framework, and directions for future research. *Australian Journal of Psychology*, 73(1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/00049530.2021.1883409>.
17. Reinold, J., Hooijen, I., & Özer, M. (2024). “If you smile, they smile”: Explaining highly educated migrants' feelings of being welcome in the Euregio Meuse-Rhine. *Population Space and Place*, 30(5), e2759. <https://doi.org/10.1002/psp.2759>.
18. Marshall, T. C., & Lao, C. H. (2024). Attachment style and romantic involvement with host nationals influence migrants' acculturation and adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 99, 101950. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101950>.
19. Ryder, A. G., Alden, L. E., Paulhus, D. L., & Dere, J. (2013). Does acculturation predict interpersonal adjustment? It depends on who you talk to. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(4), 502–506. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.02.002>.
20. Sarli, A., & Phillimore, J. (2022). The intercultural competence of second-generation individuals: knowledge gaps and steps forward. *International Journal of Intercultural Relations*, 88, 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2022.03.004>.
21. Constant, A., Kahanec, M., & Zimmermann, K. (2008). Attitudes towards immigrants, other integration barriers, and their veracity. *International Journal of Manpower*, 30(May), 5–14. DOI: [10.1108/01437720910948357](https://doi.org/10.1108/01437720910948357).
22. Merenkov, A.V. (2007). *Man: The Relationship Between Natural and Socio-cultural*. UGSU Publishing House. 279 p. <https://elibrary.ru/RXJVTP>.
23. Britvina, I. B., & Savchuk, G. A. (2019). Differentiating Elements of Culture as a Factor in Latent Conflict Between Russians Citizens and Migrants from Central Asia. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1, Issues in Education, Science and Culture*, 25(4), 175–184. <https://elibrary.ru/CHTIBC>.
24. Ilimbetova, A. A. (2021). Adaptation and Integration of Migrants: Conditions, Goals, Approaches. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2, 144–155. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_2_144_155](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155). <https://elibrary.ru/TSSPGZ>.
25. Laurentyeva, N., & Venturini, A. (2017). The Social Integration of Immigrants and the Role of Policy — A Literature Review. *Intereconomics*, 52, 285–292. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0691-6>.
26. Mukomel, V. I. (2011). Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. 1, 34–50. <https://elibrary.ru/NUKPH>.
27. Ryazantsev, S. V., et al (2023). Russian society and the state in the context of the formation of a new world order: the demographic situation in 2022. *Prospect Publishing House*. 448 p. DOI: [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). <https://elibrary.ru/GKFMMP>.
28. Vasileva, O. V. (2016). Host society: problems of integration. *Modern Research of Social Problems*, 7, 184–197. DOI: [10.12731/2218-7405-2016-7-184-197](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-7-184-197). <https://elibrary.ru/WVJLFL>.
29. Zhao, Q., Wu, G., Wang, H., & Aziz, N. (2024). How does choice of residential community affect the social integration of rural migrants: insights from China. *BMC Psychology*, 12, 119 (2024). <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01617-9>.
30. Gabrielli, L., Gsir, S., & Zapata-Barrero, R. (2017). Political and Civic Participation of Immigrants in Host Countries. An Interpretative Framework from the Perspective of the Origin Countries and Societies. In *Migrant Integration Between Homeland and Host Society*. Vol. 1. Global Migration Issues, vol 7. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56176-9_5.
31. Bentz, A.-S. (2021). Political Activism in Canada: When Tibetans in Toronto Enter into Local Politics. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*, 27. <https://doi.org/10.4000/samaj.7449>.
32. Varshaver, E.A., Rocheva, A. L., & Ivanova, N. S. (2017). Migrant Integration on the Local Level: Results of an Academic and Practical Project. *Sociological Studies*, 5, 110–117. <https://elibrary.ru/YQRHGT>.